

Войдя в холл, Тан Сяожуань растерянно огляделась. Снаружи этот домик казался ничем не примечательным, но внутри он оказался настоящим скрытым миром. Посреди зала лежал ковер с узором из широких листьев и цветов, а по обе стороны от центрального стола стояли два кресла из сандалового дерева с круглыми спинками, застеленные светло-зелеными подушками с цветочным орнаментом. Под окнами расположились четыре высоких стула из красного дерева с такими же серебристо-красными сиденьями. На столе, сверху вниз, были расставлены статуэтки: фарфоровая Гуаньинь из печи Яочжоу, а также три бога — Фу, Лу и Шоу из Цзиндэчжэня. На боковых столиках, слева направо, красовались нефритовые бонсаи: слива, бамбук, сосна и хризантема.

Девушка тихонько цокнула языком, пораженная роскошью. Даже Тан Сяожуань, с рождения жившая в трехэтажном особняке, невольно присмирела. В такой тяжелой, торжественной обстановке даже самая избалованная особа не осмелилась бы вести себя развязно.

Занавес, отделявший внутренние покои, шевельнулся. Зазвенели бусины из золотистого наньму и эбенового дерева, наполнив воздух густым древесным ароматом. Первыми вышли двое крепких мужчин — сыновья Тан Шэнчжи, Тан Кай и Тан Вэй. Тан Сяожуань знала этих двоюродных братьев с детства, и, увидев их, немного успокоилась.

Следом за ними, ступая неторопливо, вышла сухопарая, энергичная старушка с седыми волосами. На ней была короткая куртка из бордового атласа, черные шелковые брюки и туфли в тон, а в руке она держала трость из агарового дерева с позолоченным набалдашником. Это была прабабушка. Заметив, как все в зале вытянулись, Тан Сяожуань поспешила опустить голову. Она поражалась: прабабушке уже за девяносто, а она выглядит так, будто ей едва за шестьдесят — бодрая, полная сил. Если бы не легкая хромота, она бы и тростью не пользовалась. Когда она вошла, ее взгляд, скользнувший по присутствующим, был полон власти, словно она командовала сотней подчиненных. Неудивительно, что прадед в свое время занимал высокое положение в табачном бизнесе — с такой-то железной хваткой у его супруги.

Люди, сидевшие снаружи, тоже вошли. Все молчали, ожидая, пока Тан Юньши заговорит. Старушка слегка кашлянула и поманила Тан Сяожуань:

— Милое дитя, пролетело больше десяти лет, как мы не виделись. Подойди скорее, дай прабабушке на тебя посмотреть.

Тан Сяожуань, польщенная таким вниманием, подбежала к ней:

— Прабабушка!

— Совсем взрослая стала, настоящая красавица, — Тан Юньши с доброй улыбкой взяла девушку за руку.

— Еще бы! С такой-то красивой прабабушкой разве могло быть иначе? — Тан Сяожуань, не отпуская её руки, весело покачнулась, чем вызвала у старушки искренний смех.

— Ох, язык-то у тебя подвешен, маленькая обезьянка, — Тан Юньши чуть посерьезнела. — Сяожуань, сегодня твой день рождения. Скоро мы пойдем просить благословения у божеств.

Поешь побольше священных плодов, чтобы каждый день твоей жизни был полон радости и мира.

— Хорошо, — послушно ответила Тан Сяожуань.

Она обернулась к дяде, мельком взглянув на лица деда и второго дяди. Неизвестно, была ли она слишком впечатлительной или её просто напугали эти странные родственники, но атмосфера казалась жутковатой. Казалось, что искренне радуются лишь прабабушка и она сама. Остальные же... Второй дед выглядел как иссохшее дерево, третий дядя смотрел на всё холодным взглядом, а кузены стояли неподвижно, словно железные столбы. Даже когда прабабушка упомянула о молебне, второй дед, казалось, вздрогнул от страха.

Тан Юньши перекинулась парой слов с Тан Шэнчжи, отпила чаю и поднялась:

— Ну всё, ждите снаружи. Пока я не позову — не входить. Сяожуань, Шэнчжи, идите за мной.

Тан Сяожуань с тревогой оглянулась на оставшихся в холле родственников и, увидев, что третий дядя уже идет вглубь дома, поспешила за ним.

У самого входа в задний зал она замерла. Это помещение... его было сложно описать. Идеально квадратная комната с черными стенами, низкий потолок, который словно давил на плечи. Повсюду висели белые полотна с какими-то странными знаками, начертанными киноварью. Даже она, отличница и студентка престижного вуза, не могла разобрать ни одного иероглифа. Старые дома всегда навевали жуть, особенно в марте, когда весна еще не вступила в свои права. Порыв ветра заставил белые полотна заколыхаться, и в голове Тан Сяожуань тут же всплыло слово: поминальный зал!

Смеркалось. Тан Шэнчжи, заметив, что племянница отстала, нахмурился и вернулся за ней. Увидев, что она застыла, глядя на белые ткани, он тихо успокоил её:

— Сяожуань, не бойся. Это не поминальный зал, а Зал Божества, где прабабушка совершает обряды.

— Я... я не боюсь, — смущенно ответила девушка, стараясь взять себя в руки.

Пройдя сквозь ряды белых полотен, они оказались у широкого алтаря. Тан Юньши зажгла две толстые свечи, чей свет отражался в старинной бронзовой курильнице. Рядом лежали стопка желтой бумаги и черные благовония. Внимание Тан Сяожуань привлек древний свиток на черной стене. На нем был изображен странный мастер в бронзовой маске, напоминающей лик голодного демона из ада, с оскаленными клыками. Невозможно было понять, мужчина это или женщина: в белом халате, с распущенными волосами, мастер держал окровавленный меч и ступал босыми ногами по человеческим костям.

Тан Сяожуань стало не по себе, и она спряталась за спину третьего дяди. Тан Юньши заметила её страх:

— Сяожуань, не бойся. Это изображение предка, совершающего обряд. Мы лишь пугаем

призраков, чтобы изгнать зло.

Девушка слышала о подобном: чтобы отогнать нечисть, мастер должен выглядеть страшнее самого демона. Успокоенная словами прабабушки, она подошла ближе, когда та поманила её рукой.

Тан Юньши указала на черный коврик на полу:

— Прабабушка хочет погадать на твою судьбу, вымолить для тебя покой. Сядь и ни о чем не думай.

— Хорошо, — Тан Сяожуань послушно опустилась на колени.

Тан Юньши накинула на плечи даосский халат, расшитый странными символами. На спине красовался белый тигр с демоническим ликом, а по подолу — крошечные змеи, пауки, жабы, скорпионы и сороконожки. Тан Шэнчжи подал ей шкатулку из сандалового дерева, в которой лежали серебряные браслеты с выгравированными знаками. Надев их, прабабушка взяла короткий меч с рукоятью из персикового дерева и связку изящных серебряных колокольчиков. Раздался чистый звон, она прошептала заклинание и произнесла:

— Благовония. Талисман.

Тан Шэнчжи подал бумагу и черные палочки. Тан Юньши поклонилась изображению, зажгла благовония и установила их в курительницу.

Тан Сяожуань чувствовала себя крайне неудобно. Она видела много фильмов, но то, что делала прабабушка, совсем не походило на молитву — от этого веяло чем-то зловещим. Она испугалась и хотела встать.

— Не двигайся! — голос Тан Юньши лишился всякой мягкости.

Девушка вздрогнула и снова опустилась на колени. В воздухе разлился сладковатый аромат, вдохнув который, она внезапно почувствовала странное облегчение. Краем глаза она видела, как прабабушка быстро ходит вокруг неё, слышала монотонное пение и чистый звон колокольчиков. Голос старушки звучал всё дальше, словно из глубины веков, манящий и пугающий одновременно.

Вдруг по спине пробежал ледяной сквозняк — не природный ветер, а нечто потустороннее. Пламя свечей задрожало. Тень прабабушки, танцующей с мечом, металась по полу. Холод пробрал до костей, зубы начали стучать. Тан Сяожуань зажмурилась, твердя про себя: Я ничего не вижу, я ничего не вижу!

Тан Юньши была полностью сосредоточена: густые брови сдвинуты, ноги выписывали странные круги. На десятом круге она внезапно остановилась, глаза её широко распахнулись. Она нажала пальцем на лезвие меча, и на нем выступила капля крови. Острым концом она пронзила стопку желтой бумаги и коснулась благовоний — бумага вспыхнула ярким пламенем.

Тан Юньши громогласно провозгласила:

— Духи предков, ответьте, является ли это дитя избранным? — она трижды провела горячей бумагой над головой девушки.

Тан Сяожуань почувствовала жар и едва не вскочила — она так дорожила своими волосами! Но прабабушка не обратила внимания на её испуг. Она отступила и бросила догорающую бумагу в чашу с водой. Раздалось шипение, поднялся густой белый дым с запахом лекарственных трав.

— Сяожуань, быстро, выпей эту безкорневую воду с талисманом! — Тан Юньши протянула ей чашу.

— А? Это... — Тан Сяожуань колебалась. Она — современный человек, верящий в науку, а не в суеверия!

— Пей! — в глазах прабабушки сверкнула сталь.

Испуганная девушка, не раздумывая, схватила чашу и залпом выпила содержимое.

Чаша со звоном упала на пол. В животе у Тан Сяожуань возникла острая боль. Если раньше она знала о дантяне лишь из романов, то теперь ощутила его физически. Горячая волна ударила в низ живота, и девушка вскрикнула. Горло обожгло, и она закашлялась кровью. Сердце колотилось как бешеное, она застыла, глядя на алые капли на полу, не в силах пошевелиться.

Сквозь туман она почувствовала, как прабабушка схватила её за руку, и почувствовала укол в палец. Несколько капель её крови упали на бронзовый поднос, который держал третий дядя.

<http://bllate.org/book/19154/1880932>